

Клавдия Гольшикина

ЖИВАЯ
НИЦА

Клавдия Голышкина

ЖИВАЯ НИТЬ

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSC 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Клавдия Голышкина 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

Фото на обложке © С. М. Прокудин-Горский 1912

ISBN 978-80-7534-013-9

Содержание

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 1

– Да пошто ты так, Корпеюшка?!... Ведь девка-то справная! Не один Митрий на нее засматривается! Взять, вон, хоть и Петра Кузнецова, да и...

– Это Мигун што ли?!... Да я к ей его на пушечный выстрел не подпущу!... – Корпей напористостью своего безоговорочного тона обрубил всякую попытку жены закончить свое высказывание.

– Уж больно ты горяч, батюшка... – Лукерья, поджав губы, покачала повязанной синим в белую крапинку платком головой. Кончиком платка вытерла наворачнувшиеся вдруг близкие бабьи слезы.

– Што мокреть-то раньше времени разводишь?! Аль одна ты за нее радешь?! – Корпей, крепко скроенный пятидесятипятилетний мужик, бросил сердитый взгляд из-под косматых кустистых бровей на хлюпающую носом жену. Широкой сильной ладонью пригладил пышные волнистые иссиня-черные волосы, коротко мимолетным взглядом глянул в тусклое, местами тронутое ржавчиной старое зеркало в потрескавшейся деревянной оправе, привычным взглядом оценивая свою окладистую бороду, словно решая на ходу – не пора ли стричь ее. Подумал: «Уж больно быстро да буйно отрастат! Перед сватами-то надобно быть при параде! И зеркалу пора бы уж сменить! Негоже в таком-то справном дому рухляди этой находиться. Ежели бы не Лукерья, так давно бы и выкинул его. А она, суеверная баба, все наперекор норовит. Не выбрасывают, мол, зеркала-то! Да ладно уж!... Што ж теперича, коль и старое... Да и память ей от его. Из родительского дома еще оставшееся да сохраненное».

– Рубаху вытаскивай, мать, новую! – глянув на свою несколько уже потертую косоворотку, распорядился Корпей, – да и самой причупуриться не грех! Не каждый день дочь-то сватают!

– А у самой-то Матренки што ж ты, ирод старый, не спросишь?! Люб он ей? Али как? – Лукерья, не смирившаяся с выбором для приемной, но ставшей родной для нее дочери в мужья

первого же посватавшего ее жениха, отважилась было на открытый разговор с мужем. Знала Лукерья, к кому лежит сердечко их Матрены. Видела не раз, как после гулянок провожал ее до калитки и долго не отпускал от себя Серега, сын Захара Баженова, живущий на соседней с ними улице. Как, заскочив в сени после выпроваживания парня, стояла девка какое-то время прислонившись спиной к внутренней стороне входной двери, успокаивая свое трепыхавшееся сердечко. И только успокоившись, отворяла неслышно дверь в самую горенку. Не спавшая до возвращения с гулянок да посиделок дочери, все слышала и видела Лукерья. А чего не видела, так о том догадывалась, замечая, как прихорашивается Матренка, собираясь на вечернее гулянье. Как зардеется румянцем в ответ на случайно брошенное в шутку словцо об ее Сергее. Знает все Лукерья, да прямо сказать Корпее об этом не решилась. Не любит ее Корпей указок-то со стороны. «Потихонечку, будто исподволь да с издаля надо начинать с ним разговор-то», – думала Лукерья, – «А вот седни-то не получатся. Не в духе што-то Никанорыч-то мой седни».

«Да што им, бабам-то этим, растолкуешь?» – думал про себя Корпей и, направившись было в сторону входной двери, отозвался, обернувшись:

– И што это седни на тебя, Лукерья, нашло?! Из богатой зажиточной семьи парень сватат! Как за каменной стеной дочка-то жить станет!

Сам сызмальства работающий не покладая рук, Корпей уважал крепкие мужицкие семьи, где царствовал в семье старый, испокон веку установленный порядок. Где каждый занят был своим делом, каждый имел свои обязанности по хозяйству. Где все шло, как и подобает, своим чередом: в будни – работали не разгибая спин, по воскресеньям шли к заутрени на литургию, в праздники же – особо прибранная, пахнущая пирогами хата всегда была радушна открытой для своих односельчан дверью, приветлива гостеприимными хозяевами.

Сам он родился и вырос в бедной семье. Отец, вернувшийся с турецкой с увечьем, полученным еще на Балканах при форсировании Дуная, восстанавливался долго и тяжело. С немалым трудом ему удавалось справляться с нелегкой крестьянской работой. И только в пору, когда сыновья немного подросли, жизнь в семье Корпея стала потихоньку налаживаться.

Корпей гордился тем, что смог выбраться из нищеты. Гордился своим крепким, ладным пятистенком, выстроенным из добротных сухих бревен кондовой сосны, рубленным в обло с присеком, чтобы долговечен был дом, да не на одно б поколение хватило. Строился Корпей с учетом на детей да внуков. Да вот не дал им бог наследников с Лушенькой. Вот тогда и уговорил Корпей своего младшего брата Николая, живущего, как и отец, бедновато, но богатого на дочерей, отдать ему, Корпею, в приемные дочери одну из семи своих дочек. Посоветовались тогда Николай с Устиньей, пораскинули умом и решили: «Ежели не будет супротив сама Матрена, вторая по старшинству дочь, выбранная Корпеем из всех их дочерей, то так тому и быть. Потому как Корпей, любящий десятилетнюю Матренку как родную за ее ласковость да умную головушку, сможет ее растить в достатке, да и замуж ее выдаст в добрый да безбедный дом, дав за нее добротное приданное.

Корпей вышел на крыльцо, сел на выскобленную до жёлтого цвета ступеньку, принялся скручивать сигарку из доморощенного самосада в обрывок старой газеты, привезенной когда-то из города при поездке на ярмарку. Мысли, обуревавшие его, не давали ему покою. Да и Лукерья, не так чтобы уж очень строптивая баба, подлаживающаяся под его крутой нрав множество лет, будто с цепи сорвалась. Восстала супротив его решения, непонятно из какой-то надобности.

«Ведь для нее же, Матренки, и стараюсь», – продолжал оправдывать свое решение Корпей. – «Митрий-то ведь – это тебе не Петро Кузнецов, упомянутый давеча Лукерьей. Тот – другое дело! Все ловчит парень. Какой-то уж больно пронырливый!» – продол-

жал размышлять Корпей, затягиваясь крепким самосадом. – «От таких лучше держаться подале, а Митрий... Што Митрий..? Ниче! Отец с матерью крепко на ногах стоят, и он, видно, что парень с головой. Не пропадет с ним Матрена!» – Корпей, откашлявшись от засвербившего в горле крепкого табака, обернулся к вышедшей на крыльцо жене. Та опустила рядышком на теплую, нагретую солнцем ступеньку.

– Слышь, Корпеюшка, што сказать-то тебе все хочу, да ты все рубишь с плеча. Послухай хоть раз, што тебе знать-то надобно. Ведь девка-то другого любит! Што же ты все тока о зажиточности разговор-то свой заводишь. Ну, намаялся сам с малолетства, так теперича богатство жениха тебе на все остальное глаза застит? А девке-то с не любимым потом весь век мыкать! Да и Сергей-то ведь не худой парень! И Захар Баженов справный хозяин! Мельницу свову имет. Одна мельница на всю округу! Сам знашь – тоже ж не бедствуют! Не токмо Медведеровские – из соседних деревень: што Безводовские, што Кувыковские, да и из Керенево, и из Ахлыстино – и те везут зерно молоть. Да и Сергею Матренка-то наша вон как глянется! Што ж мы супротив воли-то ее насильно за нелюбимого отдавать станем? Так ведь и жизнь опостылет девке-то.

Корпей, затянувшись глубоко самосадом, молча слушая жену, смотрел прищутив глаза вдаль. И только двигающиеся желваки выдавали его напряжение.

– Ах, ты! – всплеснула Лукерья руками. – У меня же там пирог в загнетке стоит. Не ровен час пригорит! – И с живостью поднявшись и еще раз, глянув на молчащего мужа и махнув на него рукой, проворно скрылась в проеме двери.

Бросив под ноги докуренную самокрутку и придавив ее носком сапога, Корпей принялся закручивать следующую после первой выкуренной сигарку. Рассказанное женой усугубило его и без того не заладившееся сегодня с утра настроение. Своенравный характер Корпея не позволял ему пойти на поводу у слезливых баб. Не переносил Корпей никакого давления со стороны.

Не терпел, когда кто-то заставлял его следовать чьей-то указке, менять принятое им самим решение.

– «Баженовы? – што ж...», – размышлял сидящий на ступеньке своего дома и глядящий на заходящее на горизонте солнце Корпей. – «Ничего плохого не скажу о них...», – и вспомнил вдруг о брате Захара – Константине Баженове, крепком, хозяйственном мужике, славящемся на всю округу сметливым умом, бережливостью да толковым подходом к любому делу. Уважал он Константина, признавал его дельным хозяином. Вспомнил о рассказанной когда-то давно его матерью истории ее сватовства. Как охаживали ее два добрых молодца в ее молодую пору. Да вот предпочла она отца Корпея. А другим был Константин. Видный и лицом, и статью, да ведь сердцу-то не прикажешь... И не донимал ее потом отвергнутый жених. Из гордости словно отрезал – раз и навсегда. Не замечал ее ни на гулянках совместных, ни посередь буден. Будто и не было ее вовсе ни в деревне их, ни на всем белом свете. А взял в жены заглядывающуюся на него, румяную да чернобровую соседскую девчинку. Взял, да и зажил с ней душа в душу. А когда в лета вошел да возмужал – так бабы не только со своей деревни, а и с окрестных деревень все на него стали заглядываться. Не только внешностью за версту от других отличался, но и хозяином толковым да с житейским крепким умом оказался.

И не мог не видеть подрастающий Корпей, умный да сметливый, незаметного для других, словно исподволь, но глубокого внимания его матери к выделявшемуся всем из односельчан Константину. Не раз ловил ее быстрый, неравнодушный взгляд. И поворачивалось что-то в душе Корпея. И раздваивался он на две половинки в эти минуты. Понимал Корпей свою мать. Но какое-то свербящее за отца чувство не давало Корпею покоя. И был Константин моложе его отца на целых двенадцать лет, и был более удачлив – и в ведении хозяйства, и во всем остальном. И с войны Константин вернулся с легким ранением. И потом, когда из-за увечья отец Корпея долгое время никак не мог подняться, семье его тяжело приходилось, пока не подросли да не стали помогать сыновья. А Константин, вернувшись с войны и начав поднимать свое хозяйство, ходко пошел в гору.

И вспомнив свое ревностное чувство по молодости своей, усмехнулся Корпей. Затянулся крепкой сигаркой. Посмотрел задумчиво на заходящее солнце. Вспомнил, как хотелось ему хотя бы и задним числом, но взять все же реванш у Константина. словно какая-то внутренняя заноза тогда сидела внутри у Корпея. И строя со временем пятистенки свой, и налаживая свое хозяйство, будто соревновался он с ним в расторопности да смекалке. Ни за что бы не пошел просить его о какой-либо услуге, как не обращался никогда к нему, даже в самое тяжелое для себя время, отец Корпея. Видели они, как заглядывали Константину в глаза вынужденные работать в его крепком хозяйстве соседи из бедняцких семей. Да только не все шли к нему на поклон. Некоторые вот так же всячески старались на своих наделах, с утра до ночи, не разгибая спин, сеяли, пололи, жали. Сводили еле-еле концы с концами, а в батраки не нанимались.

Задумавшись, Корпей забыл о сигарке. Догоревший окурок больно обжег пальцы. Большая кучка пепла упала на штанину холщовых портков. Корпей отбросил окурок в сторону, смахнул пепел со штанины. Еще раз усмехнулся превратностям судьбы. Второй раз жизнь перекрещивает их дорожки. Вначале Константина с его матерью. А теперь вот племянника Константина с их Матренкой. Мысли Корпея перенеслись на семейство Захара. «Серьезный мужик, толковый этот Захар!» – размышлял Корпей. – «Да и про Сергея худого-то ниче не скажу. Да тока и Макара опять же обижать не хотелось бы. Ведь согласие свое, слово ему уже дал, што отдам свову дочь за его Митьку. С малых лет ведь с Макарой мы вместе. Не разлей вода всю жизнь были. Вместе в Сакмарке на спор, кто кого переныряет, в воде до посинения бултыхались. Вместе по чужим огородам за яблоками лазали. А когда подросли, так вместе на гулянки начали бегать, парней из чужих деревень от своих девок вместе шугать ходили. А уж скока пережито вместе, когда вшей в окопах в японскую-то ишо кормили – то это и вовсе ужо отдельный разговор. Одно тока кровопролитное пятнадцатидневное сражение у Мукдена да отступление опосля него всей нашенской третьей армии по Мандаринской дороге с ранитыми в обозах да под обстрелами япошек чево стоит! Ежели

бы Вторая-то армия возля станции Усытхай нас не поддержала, то не выбратся бы нам из тово окружения-то! Как пить дать – не выбратся бы! Вот и получатся по судьбе-то: што и не родня мы с Макаркой-то завроде вовся, а ближее родни-то выходит! Да и Митька-то как свой завроде. Будто бы как сын мне!» – размышляя о своем решении, пришел к заключению Корпей, – « Да и приглянулась ему Матренка-то наша! А девка-то привыкнет! Слюбится! Сладится у них со временем! Надо щас в светелку-то к ней заглянуть, да велеть ей тоже принарядиться! Лукерья-то уж возле печи суетится, к застолью готовится», – и встав со ступенек, Корпей отправился в комнату к дочери. Повернувшаяся на звук его шагов, Лукерья произнесла недовольным тоном:

– Коды, сказывали, ждать-то? Скоро уж скотину с лугов пригонят. Доить ведь ее надобно. Не до гостей будет.

– Ниче, старшую щас пошлем за Буренкой-то. Сестра-то еще не ушла, поди, от Матрены ишо? Надюха-то еще не ушла? Спрашиваю! – Повысил голос Корпей, строго глянув на отвернувшуюся от него Лукерью

– Здесь... – недовольно откликнулась Лукерья.

Глава 2

– Да постой, егоза, дырку на штанине провертишь, – произнес ласково с деланной строгостью старший из братьев, сидевших на бревнах, приготовленных для нового сруба будущей избы. Степан снял с колен крутившуюся дочурку. Ее тут же подхватил один из братьев – пятнадцатилетний Иван, и посадив ее на шею, поскакал с ней по двору, изображая коня со всадником. Анютка заливалась безудержным счастливым смехом. Любимица всей семьи, была она в часы отдыха, как правило, в центре внимания. «Любят с ней вошкаться и стар, и млад» – как говаривал старый дед Егор, доживший до 93 лет и ушедший с полгода назад. Ушел спокойно, никого не утруждая, ходивший до последнего дня на своих ногах, и если уставал, то садился подремать на завалинку на залитую солнцем сторону, чтобы погреть свои старые косточки – как сам частенько пояснял.

Захар Егорыч – глава семьи, только что вернувшийся со своей мельницы, куда специально зашел проведать, как там без него управляются его сыновья, вернулся удовлетворенным бесперебойной работой своего ветряка. И, полюбовавшись на расторопность сыновей, распорядился идти им отдыхать, оставив на ночь следить за размолотом Акима, старшего сына своего кума, разрешив тому за это намолоть для себя мешка два муки.

– Завтрева в Топорнино поедешь, – обратился он к сидящему рядом с ним Сергею, среднему своему сыну, – продналог надобно сдать. Остальное приторгуешь малость. Прасковья обувку Павлушке просила приглядеть. Растет не по дням, а по часам парнишка. Опять на осень надеть нечего. Да и девкам гостинчик пригляди. Про Анютку с Васяткой опять же не забудь, – наставлял основательный, любящий во всем порядок Захар. Сергей, слушая его наставления, с невольной улыбкой смотрел на дурачащегося с племянницей брата. Захар, посмотрев внимательно на сына, отметил про себя: «Пора, видать, его уже оженить, раз с чужих ребятишек глаз не сводит. А уж племянницу Анютку-то с рук не спускает. На гулянку вечером с Ванькой идут и ее с собой тащат. Вместо игрушки она у них», – думал довольный своим семейством Захар. – «Вот только бы ишо избу старшому поставить и все ладно будет. И щас уж тесновато всем вместе-то становится. Окромя пятилетней Анютки-то еще Васенька у Степана с Матреной о двух годках уже. Пора, стало быть, и свое гнездо им вить. Не седни – завтра Сергей объявит о помолвке. У их, молодых-то, это дело быстро решатся».

– Анка! – окликнула вышедшая из избы Прасковья, – где ее лихоманка опять носит?! Пора скотину идти встречать!

– Семнадцать годков уж девке-то. Знамо дело, где, – пробурчал под нос Захар, – к подружкам убегла.

– Васятку, Степан, оставлю подле Вас, да схожу за коровой да овцами, – сказала вышедшая из избы Матрена, обращаясь к сидевшему на бревнах мужу, разговаривавшему со своими братьями и отцом. Набегавшись с племянницей, Иван опустил ее рядом с оставленным на их попечение двухлетним племянником. И подняв его на вытянутых руках, подбросил над головой, и поймав его на лету, закружил смеющегося мальчонку. Анютка тут же уселась на колени к деду, и прислонившись головой к его широкой груди, стала слушать, о чем говорят взрослые.

– Да вот и я говорю: родственники мы, хоть и дальние, – говорил Степан, – мне давеча Терентий Иваныч о своих дедах да прадедах сказывал. А я и подумал, што мы из одной семьи-то, видать, вышли.

– Да столько уж тут кровей-то понамешано, што уж и не родственники ужо, пожалуй. Но вышли-то из одной, канешна, семьи, – Захар, затягиваясь самокруткой с крепкой махоркой, выпустил изо рта клуб дыма.

Ваня, спустив с рук племянника, подсел к отцу с братьями и принялся слушать заинтересовавший его разговор. Васенька тут же стал карабкаться к отцу на руки. И Степан, нагнувшись и подняв сынишку, посадил его к себе на колени.

– А давно наш род-то здесь проживат? Што-то я давеча у Терентия Иваныча спросить-то забыл, – обратился к отцу со своим вопросом Степан. – Здесь, за Уралом-то, ишо Ермак хаживал, толкуют.

– Да, на земле-то энттой окромя мордвы, тептярей да чувашей, которы мирно промеж себя-то жили, еще ведь и потомки династии Сибирского ханства проживали, што от Золотой орды кода-то отделились. Башкир-то на энттой земле-то совсем мало было, да и потише они себя маненько держали, хотя тоже полукочевой образ жизни вели. А вот распри-то междуусобные за власть здешнюю два старинных рода вели. Один из них еще от Золотой Орды род свой, стало быть, вел – потомок одного из братьев знаменитого хана Батая, а другой – от местного татарского княжеского рода Тайбугинов. Ну, а позднее-то, кода к власти в Сибире-то Кучум пришел, то с того времени и набеги на русские приграничные земли опять возобновились. Ивану Грозному-то тоды не до них было, от ливонцев он тоды отбивался. Ну, вот купцы Строгановы-то и призвали казачье войско Ермака для охраны своих земель. Ну, а уж опосля того, как московского посла убили при набегах-то энттих, то Иван Грозный сразу же после того, как с ливонцами разобрался и обратил свой взор на земли-то тутошные. Это раньше ордынцы два с половиной столетия земли русские опустошали. Да и в пятнадцатом веке еще хан Большой орды все повиновения от Ивана Третьего добивался, хотя, в конечном счете, все же освободилась Русь от татаро-монгольского ига. Ну, а уж Иван-то Грозный порешил раз и навсегда разграбление земли русской остано-

вить. Опосля взятия Казани-то и разрешили в отдельных местах кое-где русичам поселиться. А тут уже на местах-то кое-где и башкирские баи голову начали подымать. Землей-то сами не занимались, скотоводством тока в основном, но ежели чуть што не по ним – сразу же челобитную самому аж царю шлют.

– А коды земля то русская здесь стала? – спросил вновь Степан, пересадив ерзавшего на коленях сынишку на вытянутую, перекинутую через колено ногу, и держа за ручки, осторожно качал его на ноге.

– Ну, а мы-то, бать, как сюда попали? – встрял в разговор непоседливый Иван.

– Здеся наш общий род проживат почти што с середины позапрошлого веку. Где-то в том веку-то, годах в семидесятых, эдак, селиться русским-то во всю уже здесь позволили. И самого наипервейшего Баженова, какого еще помнит наша родова, прозывали Димитрием, имевшим в женах Василису Васильну. И жили Димитрий с Василисой на земле Замоскворечной. Сына имели. Опять же Иваном звавшимся. И слыли они потомками дворян, имевших и герб свой дворянский и званья. А опосля-то разорился наш род, остались одне тока воспоминанья. Да-а... А уже опосля-то, коды стали наделы-то земельные тутошние в залог давать, тоды и решили в ентих самых землях благодатных, богатых и рыбой в реках и урожаем на разделанных полях, да и медом диким в лесах, поселиться и наши с вами родичи. Самого старшого, поселившегося в ентих краях-то, звали Василием Иванычем опять же. И было ему в ту пору-то не так штобы уж много, но уж и не молоденьким был. Уж годов, эдак, под семьдесят-то точно было. А вот сыновья-то его – те уж в самой поре были. Им-то уж как раз под силу на новом-то месте обустраиваться было. Одному из них, Ивану опять же Васильичу, лет, эдак, под пятьдесят, а може и поменьше чуток в ту пору-то было, завроде как бают. Про других-то што-то ниче неизвестно. Видать, энтот самый Иван-то потолковей других слыл, потому об ем-то и осталась молва-то народная. И был у него уже в ту пору сын девяти, этак, лет-то. Може, чуток и помене. И вот энтот самый его парнишка-то уже и буде, кто ни на есть, а сам Терентий Иваныч Баженов – отец твоей Матрены, Степан. Вот, значит, какой расклад у нас получатся. А уж мы от какой-такой ветви-отростка пошли – што-то я Вам и не скажу ужо... Это об ем, Иване Васильиче, уж больно молва-то громкая

шла. Как об дюже толковом мужике. А с ним, поди, и родные да и двоюродные братья подтянулись в края-то энти необжитые. От них, може, наша-то семья и пошла. Тоже не последними людьми-то тут слышем. Да тока память-то людская избирательна больно. Што-то запомнилось, што-то нет.

– А как деревня-то зачиналась, бать? – подхватился опять любознательный Иван.

– Да эдак вот и зачиналась. Получили, стало быть, надел-то. В ту пору много земель-то свободных было. А места-то тут и впрямь были благодатные: бортные угодья имелись, бобровые гоны опять же. А уж рыбы-то в озерах да реках!.. Вот и придумали договора-то составлять с условием выплаты оброка не деньгами, а медом да куницами. А ежели деньгами, то наперед: за два-три года сразу плату-то брали. Ну, это уж коды указ от царя вышел, што край сей в российску Амперию входит. А стало быть, и земли тутошные – все подчистую – государевы с той поры числились, аль казенны по-другому-то. И стали те казенны земли раздавать в оброчное пользование. Никто не ограничивал: скоко хошь землицы-то, – столь и бери. Тока оброк вовремя плати – но тока ужо не баям местным, а в казну государеву. И прибыльное дело-то, видать, это было. Поскоку даже от повинностей разных переселенцев освобождали. А кое-где и помощь оказывали на первых-то порах. То хлебом, то денежную ссуду каку-никаку, а выдадут. Ну не самими деньгами, канешна, а вот семян да скота, али еще струмент какой для сельского хозяйства-то нет-нет, да подкинут. Много земель тогда повдоль рек больших, завроде Белой нашенской, аль Кармасана распределено было. Но и в глубинке люди селились. Здеся речка наша Сакмарка в ту пору ишо полная была. Рыбы немало в ней водилось. Это опосля ужо она мелеть-то зачала. Коды мельницу-то свову задумал ставить, поначалу на речке энтотой ставить было собрался. А уж опосля меня батя-то мой, царствие ему небесное, отговорил. «Зарастат, говорит, речка-то наша, Захар. Ставь лучше ветряк. Так оно понадежнее буде».

– Ну, а саму деревню-то как построили? – спросил молча слушающий до сих пор Сергей.

– Да вот эдак и построили. Выбрали, значит, место-то поприглядне. Речка рядом обратно же. Вот и решили корчевать пни от деревьев-то срубленных для домов-то своих. Поставили несколько хат для началу.